

УДК [327(47+5-191.2)+2] :94

**РЕЛИГИЯ И ГЕОПОЛИТИКА: РОССИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)**

А.А. Салиев

Рассматриваются проблемы соотношения религиозной составляющей, а также политических и экономических интересов в формировании внешнеполитической стратегии России в Центральной Азии.

Ключевые слова: геополитика; религия; ислам; мусульмане; Центральная Азия; Россия.

**RELIGION AND GEOPOLITICS: RUSSIA IN CENTRAL ASIA
(XIX – EARLY XX CENTURY)**

А.А. Saliev

The article considers problems of religious component, and also political and economic interests in forming of foreign affairs strategy of Russia in Central Asia.

Keywords: geopolitics; religion; Islam; Moslems of Central Asia; Russia.

Среди ведущих участников так называемой “Большой игры” – борьбы за приоритет в Центральной Азии – были Британская и Российская империи, христианские государства, представлявшие адекватную мировую цивилизацию. Кроме разного рода противоречий в мировой геополитике, между ними существовали и религиозные, поскольку Россия представляла православный (восточный) тип христианства, а Великобритания – протестантский (западный). Этот фактор различия не принадлежал к числу важнейших, но не учитывать его было бы ошибочным, поскольку он в конечном счете определял тип государственности и характер ее действий как во внутренней политике, так и во внешней, устанавливая логику геополитических маневров.

Зарубежные исследователи Скрайн и Росс писали о том, что “отношения между религией и государством в России намного теснее, чем в Англии”. Они отмечали: “Мы убеждены в том, что своим спокойным существованием императорская власть в России обязана столь же много православной церкви, сколь и самодержавным амбициям своих государей” [1, с. 348]. Скрайн и Росс указывали, что это понятно, поскольку в России император является и главой Русской православной церкви, а духовенство – это его основная опора. В Англии, в отличие от России, религия была отделена от государства, однако и здесь она играла важную

роль в геополитических “играх” лондонских политиков. Англиканские миссионеры работали и в мусульманских странах, о чем писал турецкий исследователь О. Карабийик [2, с. 131].

Религиозное (христианское) единство России и Великобритании неизбежно должно было сказываться и на их отношениях, особенно в противостоянии с мусульманским миром. Как представители христианской цивилизации, несмотря на все противоречия между ними, перед лицом исламской уммы они должны были искать пути согласия. И находили. Зарубежный исследователь Дж. Аддисон справедливо отмечал: “Как результат европейских завоеваний большая часть мусульманского мира частично или полностью подпала под контроль христианской цивилизации” [3, с. 6]. Он считал, что именно “поэтому дух национализма и панисламизма был возбудителем большинства мусульманских движений и основным ключом к пониманию их сути” [3, с. 7].

Еще до взятия русскими Ташкента Вамбери писал: “Итак, нечего сомневаться в успехе предприятий русских в Средней Азии... Интересы цивилизаций должны заставить нас пожелать полного успеха русскому оружию” [4, р. 222]. Зарубежный исследователь Д. Ливен пишет о том, что бывший деятель туркестанской администрации В. Череванский в Государственном совете отстаивал мнение о том, что “царская Россия имеет

важную историческую заслугу в отодвижении исламского влияния от границ Центральной Европы к Памиру и монгольским границам. Ослабление ислама способствовало росту влияния мировой культуры, поскольку своим природным обскурантизмом он хотел отдалить от нее народы насколько возможно, и это было выгодно для Европы даже больше, чем она себе это представляла» [5, р. 200].

Зарубежный исследователь Г. Элдер пишет о том, что «обе державы – Британия и Россия – имели у себя мусульман-подданных, и их реакция на те или иные протурецкие или антитурецкие движения должна была учитываться как русскими, так и англичанами» [6, р. 62]. Он отмечает, что «британские и русские политики откровенно плели интриги среди мусульман, расценивая их как законное оружие во взаимном противоборстве за гегемонию в Азии» [6, р. 62]. То есть они взаимно разыгрывали «мусульманскую карту» в своих геополитических планах в отношении Центральной Азии. Мы рассматриваем это обстоятельство как доказательство того, что Британская и Русская империи как «знаменосцы» христианской цивилизации, при всех своих противоречиях, были едины в геополитической борьбе с исламским миром в Азии. Примечательно, что российский религиозный деятель – протоиерей Тарасий Иванович – писал в 1909 г. в газете «Туркестанские епархиальные ведомости» о том, что перед лицом нарастающей мусульманской угрозы в мире «нельзя не приветствовать с чувством живейшего удовлетворения сближение между Англией и Россией на почве политических интересов» [7, с. 314]. Он имел в виду англо-русскую Конвенцию 1907 г. о Персии, Афганистане и Тибете.

Безусловно, любая геополитика должна иметь некий «сокровенный» смысл. В предыдущих публикациях мы указывали, что главным ее фундаментом всегда был экономический фактор. И в этом плане религия в геополитике выступала в качестве второстепенного обстоятельства, часто маскируя истинные захватнические цели. На такой точке зрения стоит видный российский туркестановед П.П. Литвинов, по мнению которого, «истинная религия и действительная война – понятия взаимоисключающие, а потому есть основания говорить о войне только как средстве разрешения противоречий, из которых доминирующими являются экономические. Именно поэтому, скажем, в годы Крымской войны середины XIX в. духовные вожди христиан и евреев-иудеев исламской Турции активно поддержали свое мусульманское правительство. Так, «верховный князь армян» Лев, проживавший в Лондоне, в 1853 г. издал прокламацию, в которой призывал своих единоверцев-

христиан защитить турецкого султана от русского царя. «Помните, братья, – писал он, – что в Турции не существует кнутов, что турки не рвут вам ноздрей и не секут ваших жен ни тайно, ни всенародно. Под властью султана процветает человечность, под властью северного тирана (Николая I. – А.С.) – нет ничего, кроме зверских жестокостей» [8, с. 141]. Конечно же, он писал так под диктовку англичан – союзников Турции в Крымской войне, однако было бы легкомысленным сводить все только к этому. Армяне-христиане, как известно, являются непревзойденными специалистами в сфере торговли и финансов, а потому турецким армянам, движимым экономическими интересами, следуя им, было выгодно поддерживать свое мусульманское правительство, воевавшее против родственного им в конфессиональном отношении (христианского) государства, причем со значительным армяно-христианским населением на Русском Кавказе и в других частях страны.

Любопытно, что одновременно, весной 1853 г., турки устроили резню христиан в Константинополе и других местах Османской империи. На воротах патриархии Константинополя был повешен православный «вселенский» патриарх. Безусловно, что османы при этом не делали никакого исключения и для «верноподданных» христиан-армян. Если вспомнить о небывалой в истории резне армян в 1915 г., то приведенные выше слова «верховного князя армян» выглядят кощунственно и лживо. Но чего не сделаешь ради корысти? То же можно сказать и о евреях Турции. К. Маркс писал о том, что в 1853 г. «еврейская община в Константинополе предложила султану миллион пиастров на покрытие расходов, связанных с военными приготовлениями империи. Смирнские евреи приняли... подобное же решение» [8, с. 327]. И такими решениями явно руководил не столько «верноподданный» страх, сколько все тот же экономический интерес, оказавшийся, как и подобает, выше всех религиозных предпочтений. Из этого следует, что русско-турецкая (Крымская) война 1853–1856 гг. не была столкновением христианской и мусульманской держав, а явилась реалией тогдашней геополитической парадигмы, основанной на раскладе экономических интересов ее участников, тем более что мусульманскую Турцию поддержали именно христианские страны – католическая Франция и протестантская Англия. При чем же здесь религия как таковая?» [9, с. 8–9].

Вопрос этот вполне закономерен, и, на наш взгляд, П.П. Литвинов прав, поскольку еще К. Маркс писал о том, что перед Крымской войной, в июне 1853 г., турецкий султан Абдул-Меджид в фирмане «на имя константинопольского па-

триарха сделал во всем, что касается религии, даже большие уступки, чем того требовал сам царь” [8, с. 168]. Тем не менее они не предотвратили войну. Из этого следует, что роль религии в геополитике вряд ли была решающей. Однако мы не склонны вставать и на точку зрения “экономического детерминизма”. Думается, что на проблему следует смотреть и глубже, и шире. Еще в середине позапрошлого столетия К. Маркс писал о том, что борьба православного христианства и мусульманской религии за гегемонию на Востоке является фактически “извечной” [8, с. 427]. К рассматриваемой нами проблеме это имеет самое непосредственное отношение. Мы считаем, что поход России на Центральную Азию был, конечно, движим экономическими обстоятельствами, но в более широком смысле это было наступление христианской цивилизации на позиции мусульманской, в котором, помимо экономических факторов, важную роль играли социокультурные, этнические, конфессиональные, духовные и иные обстоятельства.

Любая постановка проблемы в историческом знании всегда ценна, прежде всего, тем, насколько она актуальна, то есть соотносится со всей совокупностью сложившихся современных обстоятельств. Рассматриваемая нами тема, безусловно, представляется животрепещущей и злободневной. И не только потому, что роль религии в современной геополитике нарастает, о чем красноречиво свидетельствуют события на Ближнем и Среднем Востоке, связанные с деятельностью таких мусульманских движений, как: “Исламское государство”, “Шибхат-ан-Нусра”, “Аль-Каида”, “Талибан” и др. Россия по-прежнему сохраняет свое присутствие в Центральной Азии, и ее влияние на геополитику в регионе постоянно усиливается. Религиозный фактор играет в ней немаловажную роль.

Российский политолог В.Н. Ушаков пишет: «После распада Советского Союза центральноазиатские государства оказались в совершенно новых для них условиях, когда им самим предоставилась возможность избрать собственный путь развития. В этих условиях как нельзя остро возникла необходимость определения цивилизационной принадлежности государств региона. Естественно, что этот процесс невозможно рассматривать от довольно сильной исторической исламской традиции народов Центральной Азии и, конечно же, не без учета т. н. “возрождения” ислама в регионе» [10, с. 7].

Как известно, такую же мысль высказывает и С. Хантингтон, который отмечает, что после распада СССР “среднеазиатские республики будут пытаться наладить новые формы сотрудничества друг с другом и создавать новые связи с Турцией, Ираном и Пакистаном” [11, с. 135]. Понятно, что

он пишет о чисто мусульманском векторе в формировании геополитических связей постсоветских государств Центральной Азии. При этом он придерживается концепции неизбежности “столкновения цивилизаций” – христианской и исламской, которое может угрожать и современной России. Но на постсоветском пространстве Центральной Азии такого столкновения не произошло. И, как нам представляется, во многом из-за того, как относилась к исламу в регионе Россия в прошлом, в том числе и в геополитическом плане.

Президент Узбекистана И. Каримов писал о том, что “на протяжении тысячелетий Центральная Азия была центром встречи и сосуществования самых различных религий, культур и укладов. Этническая терпимость и открытость стали естественными нормами, необходимыми для выживания и развития” [12, с. 135]. Это, на наш взгляд, некоторое преувеличение, так как на территории региона в течение полтысячелетия тотально господствовал ислам, полностью подавивший христианство и поставивший в униженное положение немногочисленных приверженцев иудаизма и индуизма, о чем доказательно писал два десятилетия назад российский туркестановед П.П. Литвинов [13, с. 135–209]. Кроме того, догматический ислам в среднеазиатских ханствах подавлял всякую свободную мысль, особенно в среде кочевых народов, сохранивших многие реликты домусульманских автохтонных культов – основу их тысячелетней цивилизационной идентичности. Россия прекратила активное давление консервативного ислама на нее, чем приблизила номадов Центральной Азии к прогрессивным формам бытия.

Мы полагаем, что отношение России к исламу в этом регионе предопределило то, что ни одна из его современных стран не является мусульманской по существу. Все они – светские государства. Вместе с тем они относятся все же к мусульманскому миру, в котором на сегодняшний день большинство государств тоже являются светскими. И отрицать роль религиозного фактора в жизни народов и геополитике государств Центральной Азии вряд ли есть серьезные основания.

Современный узбекистанский историк Ш.О. Мадаева пишет о том, что “для большинства населения Узбекистана ислам был и остался в значительной степени элементом национальной и культурной идентичности... Идентичность жителей традиционной узбекской махалли сегодня получает все более явный религиозный характер. В результате ислам все больше с “народного”, бытового уровня переходит на уровень если не официальной идеологии, то близкой к ней”. По ее мнению, “процесс трансформации и изменений ре-

лигиозных обрядов в современном узбекском обществе показывает, что ислам больше не рассматривается как маркер личного благочестия и культурной идентичности, а воспринимается, скорее, как утверждение политического и идеологического противостояния” [14, с. 273]. Ш.О. Мадаева полагает, что “именно обращение к позитивным началам ислама... позволит успешно решить задачу по интеграции народных умонастроений в официальную идеологию государства”. Она считает, что “одновременно это позволит избавить ислам как часть духовной жизни нации от многих необоснованных нападок, порождаемых действиями его невежественных последователей” [14, с. 273].

В среде исследователей из бывшего кочевого мира Центральной Азии, менее исламизированного, существуют иные мнения. Так, например, кыргызстанский исследователь К. Иманалиев пишет о том, что “глобализация ведет к утрате реального значения государственного суверенитета многих стран, а также нравственных и религиозных устоев... Как минимум, глобализация влияет на самобытность любого народа” [15, с. 6]. По его мнению, “под лозунгом глобализации, насильственное внедрение демократических институтов в традиционные общества часто ведет к разрушению даже существовавшей в них ограниченной демократии и, как следствие, падению качества управления, деградации экономики и общества” [15, с. 8].

Исследователь Т. Исмагамбетов пишет: “Геополитическую целостность Центральной Азии разрывают такие проблемы, как распределение водных ресурсов, снабжение газом, миграция. Они усложняют и накладываются на злободневные вопросы делимитации, возникающие по мере превращения прежних административных границ между союзными республиками в государственные рубежи новых независимых стран” [16, с. 8]. Примечательно, что он нигде не упоминает религиозный фактор, поскольку все современные государства Центральной Азии – мусульманские. Этот фактор учитывается и на уровне межгосударственных отношений в этом регионе.

Известно, что президент Казахстана Н. Назарбаев 18 февраля 2005 г. в своем послании Маджлису Казахстана предлагал создать Союз центральноазиатских государств, но, прежде всего, в составе Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Хотя в послании он не исключал и присоединения к Союзу Таджикистана и Туркмении. Он снова писал об общих исторических корнях народов региона, общности их всесторонних национальных интересов и, конечно же, об общей религии и т. п. И в этом его поддержали некоторые руководители стран Центральной Азии, однако в реальности Союз так и не был создан.

Зато взяла верх былая парадигма – роль России в геополитике региона, в которой религиозный фактор по-прежнему учитывался, но не был определяющим. Таким стал экономический – появился Таможенный союз в составе христианских республик – России и Белоруссии и мусульманского Казахстана. Сегодня к ним добавились христианская Армения и мусульманский Кыргызстан. Образовался ЕАЭС. Понятно, что, употребляя термины “христианские” и “мусульманские”, мы исходим из их традиционной природы, а не из существующих в указанных государствах режимов.

На основании изложенного выше мы склонны утверждать, что сегодняшний уровень связей России с независимыми государствами Центральной Азии во многом был подготовлен не только во времена советского общесоюзного экономического сотрудничества, но и в дореволюционный период. Союз мусульманских стран региона с многоконфессиональной (но в основном христианской) Россией, безусловно, влияет на их роль и место в современной геополитике как в Центральной Азии, так и в глобальном масштабе, в том числе, разумеется, в контактах с исламским миром. В свою очередь, Россия через связи с государствами Центральной Азии по-прежнему сохраняет свое влияние в указанной геополитике, причем его исторически сложившееся религиозное содержание вряд ли подлежит какому-либо сомнению.

Литература

1. *Skrine F.G. and Ross E.D.* The Heart of Asia. A history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times. L., 1899.
2. *Карабийик Осман.* Религия ислам. Стамбул, 2004.
3. *Addison James Thayer.* The Christian approach to the Moslems. N. Y., 1942.
4. *Вамбери Арминий.* Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году / Вамбери Арминий. СПб., 1865.
5. *Lieven Dominic.* Russian rulers under the old regime. New Haven and London, 1989.
6. *Alder G.J.* British India's Northern frontier. 1865–1895. A study of imperial policy. L., 1963.
7. Туркестанские епархиальные ведомости. 1909. № 12. 15 июня.
8. *Маркс К.* Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 9. М., 1957.
9. *Литвинов П.П.* Благовест над землями ислама: Русский Туркестан (по архивным, правовым и иным источникам) / П.П. Литвинов. Елец: Изд-во ЕГУ, 2014.

10. Ушаков В.Н. Политический ислам в Центральной Азии: основные факторы и перспективы / В.Н. Ушаков. М.; Бишкек, 2005.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и что оно может означать для России / С. Хантингтон // *Общественные науки и современность*. 1995. № 3.
12. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса / И.А. Каримов. Ташкент, 1997.
13. Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.) / П.П. Литвинов. Елец: Изд-во ЕГПИ, 1996.
14. Мадаева Ш.О. Формирование религиозной идентичности традиционного общества Узбекистана: исторический аспект / Ш.О. Мадаева // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова: сб. материалов. 27 ноября 2008 г., г. Ташкент. Ташкент, 2010.
15. Иманалиев К. Кыргызстан: национальный путь (в поисках самоидентификации). Алаты. Кодекс чести. Идеологема кыргызов / К. Иманалиев. Бишкек, 2009.
16. Исмагамбетов Т. Структурирование нового геополитического пространства Центральной Азии: региональные особенности и перспективы / Т. Исмагамбетов // *Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований*. 2002. № 2(20).